Текст · 29 ноября 2023, 15:18
Эрика Кинетц,

«Как земляной червь, нахуй, погиб — и все». Репортаж Associated Press про мобилизованных российских солдат

Агентство *Associated Press* получило доступ к перехватам телефонных разговоров, в которых российские солдаты рассказывают близким о том, как они воюют. Большая часть записей датируется январем 2023 года, когда шли бои под Бахмутом, а большая часть голосов принадлежит мобилизованным, которые описывали ужасающие реалии войны. Например, они рассказывают про «огонь по своим», постоянный страх и слом психики, а также про перспективу «сдохнуть в яме» и «ебучее командование», которое они считают «рохлями и тютями». Журналисты связались с солдатами и их родными много месяцев спустя и узнали-, как складывалась их судьба. «Медиазона» публикует перевод этого материала.

В перехваченных разговорах российских солдат часто можно услышать кодовые обозначения убитых («двухсотые») и раненых («трехсотые»). А тех, кто больше не хочет воевать, становится так много, что для них есть отдельное определение — «пятисотые».

Начинается вторая изнурительная зима этой войны, и все больше военных ищут выход. Об этом свидетельствуют, помимо прочего, их звонки домой из Харьковской, Луганской и Донецкой областей, записи которых попали в распоряжение *Associated Press*-. Эти звонки дают редкую возможность взглянуть

на то, что происходит на фронте, с точки зрения российских солдат. А еще увидеть, как война изменилась: на смену профессиональным военным, которые участвовали в полномасштабном вторжении Владимира Путина в Украину в первые месяцы, пришли люди самых разных занятий, которые служат в чудовищных условиях.

«Нахуй, какая "смерть храбрых"? — рассказывал один из солдат брату, когда позвонил ему с фронта. — Как земляной червь, нахуй, погиб — и все».

Угроза еще одной большой волны мобилизации нависла над Россией, хотя власти всеми силами стараются заманить людей на контрактную службу. В октябре начался очередной призыв, под который попали около 130 тысяч молодых людей. И хотя Москва уверяет, что на фронт их посылать не будут, после года службы они переходят в резерв, то есть становятся первыми кандидатами в мобилизованные.

AP удалось подтвердить личности людей, чьи голоса звучат на записях: мы поговорили с родными и самими солдатами, некоторые из которых по-прежнему воюют в Украине, а также использовали номера телефонов, чтобы собрать данные по открытым источникам. Мы публикуем разговоры, которые по большей части были записаны в январе 2023 года (в том числе неподалеку от Бахмута, за который шли долгие и кровопролитные бои). Фамилии солдат и их близких не указаны для их безопасности.

Голоса, которые звучат на записях, принадлежат мужчинам, которые не смогли избежать мобилизации. У кого-то не было ни денег, ни образования, ни вообще каких-либо других вариантов. Кто-то верил, что исполняет патриотический долг. Один мобилизованный раньше работал на скотобойне, резал кости. Другой был юристом. Третий чинил крыши, потом работал в супермаркете, залез в долги и даже не оплачивал коммуналку, как показывают судебные документы.

Трудно сказать, насколько эти записи репрезентативны, зафиксированы ли в них настроения, характерные для российских военных. Но сквозящее в них отчаяние отражается и в цифрах — числе дел, возбужденных против солдат, которые отказываются принимать участие в войне.

Происходящее в Украине — это «просто ебучий геноцид», как сказал один из солдат, воюющих под Харьковом, своему брату: «Если эта хуйня не прекратится, то мы скоро просто сами хохлов в Кремль проводим». И добавил: «Это огромный полигон, где весь мир, нахуй, испытывает оружие и мерится хуями. Все!».

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Но есть и другие голоса — солдат, которые намерены драться до конца.

«Пока мы здесь нужны, мы сделаем свою задачу, — сказал в конце мая в интервью с *AP* Артем, который

тогда воевал на востоке Украины и не был дома уже восемь месяцев подряд. — Давайте вы мне перестанете эти вопросы глупые задавать».

Кремль и Министерство обороны России не ответили на запросы с просьбой прокомментировать ситуацию.

Иллюстрация: Peter Hamlin / AP

Профессор. «Кости, слезы — все равно они такие же, как и мы»

Кличку Чокнутый Профессор солдат, имя которого мы не раскрываем, получил за буйную шевелюру. Когда его все-таки отпустили домой, цена была страшной: жизнь его брата.

А в российскую армию он попал в первые же дни мобилизации, в сентябре 2022 года. Солдату обещали, что его не пошлют на фронт, а каждые шесть месяцев будут давать отпуск.

Все это оказалось ложью.

После нескольких недель обучения Профессора послали в зону боевых действий, в гранатометный расчет под Бахмутом. И почти сразу он понял, что хочет поскорее выбраться оттуда.

Снаряжение у него было скверное — не сравнить с тем, в котором расхаживали бойцы «ЧВК Вагнера». «Ночники, автоматы охреневшие, с глушителями, — рассказывал он про вагнеровцев брату, когда говорил с ним по телефону в январе. — И у меня — автомат 1986-го или какого-то там года».

Он был наводчиком, но координаты ему передавали так небрежно, что очень часто российские солдаты били по своим.

По словам Профессора, командиры инструктировали солдат, что мирных жителей убивать нельзя, но как было понять — кто гражданский, а кто военный? Даже дети носили гранаты, рассказывал он брату. И куда летели снаряды их гранатометного расчета? Убивал ли он детей?

Хуже всего было наблюдать за совсем молодыми сослуживцами. Их расчет отделяла от украинских позиций всего лишь тонкая лесополоса. «Я представлял, что вот там-то, с той стороны, могут тоже [быть] такие же молодые. У них же вся жизнь тоже впереди, — рассказывал он в июне в интервью *AP*. — Кости, слезы — все равно они такие же, как и мы».

Профессор пытался успокоить себя тем, что у него особо не было выбора: либо стрелять из гранатомета, либо оказаться под следствием, в яме или в тюрьме. «Если что-то тебе не нравится — тебя в отказники, то есть ты сразу "пятисотый", — рассказал он *AP*. — То есть нам приходилось все равно выполнять приказы, хотим мы этого или не хотим».

Он и не думал, что в итоге все-таки станет отказником.

Из перехваченного разговора Профессора с братом

Профессор: Самое обидное, что там, возможно, даже дети есть.
Брат: А куда деваться-то, приказывают... Мне кажется, если бы было добровольно, даже и не пошел бы туда.
Профессор: Вроде бы, знаешь, и радостно: за счет того, что мы хорошо отрабатываем, нам машину дали. А минус в том, что понимаешь, что столько жизней просто... угробил. Ради этой машины.
Брат: Не по своей же воле.
Профессор: Сука, я так устал уже.
Брат: Я верю. Скорее бы уже домой. И вообще, закончилось бы это все.

Весной двое братьев Профессора ехали по сельской дороге, когда их подрезала пытавшаяся развернуться машина. Автомобиль братьев выбросило на встречную полосу, и там в него врезался мчавшийся на полной скорости грузовик.

Один из братьев погиб. Другой теперь не может ходить, как рассказала их пожилая мать в интервью *AP*.

Профессор предпринял отчаянную попытку поехать на похороны брата. По его словам, командир батальона дал ему распоряжение на десятидневный отпуск. Военная полиция в оккупированной

Луганской области выпустила его, хотя, чтобы успеть, до дома в итоге пришлось брать такси за свой счет.

Вскоре после похорон Профессор получил сообщение от командира: «Что у тебя там происходит? Ты собираешься возвращаться или оставаться будешь?».

Он ответил: «Я собираю документы, будем решать, что да как будет».

Два часа спустя, около полуночи, командир написал снова: «Все, уже поздно. Я тебя в СОЧ[1] подаю.

Приятно было с тобой воевать».

Теперь Профессору грозит срок до десяти лет.

Он нанял адвоката. С того момента, как его отпустили в десятидневный отпуск, прошло уже много месяцев, но у него не получается официально продлить свой отпуск, потому что нет необходимых документов. По словам Профессора, его брат способен передвигаться, на руках перебирается в инвалидное кресло с кровати, но полноценно функционировать самостоятельно не может.

Профессор рассказал, как к нему домой приходили из военкомата. Он так боялся, что его арестуют, что не стал выходить, а передал документы о тяжелом состоянии здоровья нескольких членов его семьи через окно.

zona.media/article/2023/11/29/intercepts

Адвокат призывает его не терять оптимизма: «Он говорит: "Ты по всем документам официально находишься здесь, ты имеешь право находиться здесь. Ты единственный здоровый человек [в семье]"».

Мать Профессора совершенно вымотана. «Я везде пишу, везде звоню тоже. Потому что ему сказали, что он должен вернуться в часть, — рассказала она в интервью *AP*. — А как он оставит брата? У меня нет никого».

Профессора мучают кошмары. Ему снится умерший брат и мерещится старшина, который погиб в первые недели его службы. Иногда он долго не может заснуть, весь в холодном поту, ныряет под одеяло, если вдруг услышит свист.

Он хочет вернуть прежнюю жизнь, счастливые времена, когда он жил с женой и ребенком. Ему даже удалось найти две подработки: строить крыши и вместе с соседом копать могилы.

Иллюстрация: Peter Hamlin / AP

Артем. «Все злые ходят, угрюмые, нахуй»

Дома у Артема осталось множество долгов. Когда он попал в Украину, все стало еще хуже. Даже постираться было негде, зажигалка замерзала на морозе.

«Мне тут не особо заебись-то, ебаный в рот, — рассказывал он жене по телефону в январе. — Изо дня в день, нахуй. Нету повода, нахуй, даже улыбнуться. Все злые ходят, угрюмые, нахуй».

Был Новый год, украинцы обстреливали российские позиции, но ответного огня не было: «Вчера заебись обстрел был, нахуй. А наши вообще, блядь, даже ни одного снаряда не запустили в ихнюю сторону, нахуй».

Война ему казалась совершенно бессмысленной. Почему Путину не хватило Крыма? Зачем они пытались взять Харьков и Киев? Почему постоянно врут об успехах на фронте?

И никто не говорил о том, что он по-настоящему хотел услышать: когда уже его отпустят домой.

Из перехваченного разговора Артема с женой

Артем: Вчера слушали радио, и кто-то там ебанул: «С мобилизованными все заебись, погибло всего пять тысяч человек».

Жена: Ага, ну конечно.

Артем: Пиздоболы ебаные, уже половины, наверное, нет. Пять тысяч человек, бля.

Жена: Если не больше!

Артем: Во-во, блядь.

Артем не испытывал никаких теплых чувств к уклонистам и дезертирам, хотя и признавал: то, что они делают, не лишено смысла.

«Если есть возможность, надо косить — делать тут нехуй, — говорил он по телефону жене. — Неохота время тратить, но и чтобы потом говорили, что ты какой-то урод ебаный, куда-то там съебался или откосил... на хуй это надо. Поэтому я сижу, куда говорят ехать — туда я и еду».

Артем сказал ей, что будет следовать приказам: «Если Богом предназначено, что здесь подохнешь, то что ни делай — подохнешь, нахуй. А если положено вернуться — вернешься, где бы ты ни был».

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

AP удалось связаться с ним по телефону в конце мая. Он все еще был на востоке Украины, уже восемь месяцев без перерыва.

Про январский разговор с женой Артем сказал, что в тот момент «чуть-чуть подустал морально». По его словам, он очень любил свою семью и до того, как началась война, но стал любить еще больше теперь. Ему жаль, что он проводил с ними мало времени.

«Мне [нужно] спасти ребят, которые со мной в окопе находятся, и себя, — говорит он. — Мечты у меня какие? Уебать хохлов и скорее прийти домой, вот такие у меня мечты».

Иллюстрация: Peter Hamlin / AP

Роман. «Птичку застрелить жальче, чем человека. Психика уже нарушена»

В январе 2023 года, проведя два месяца на фронте к северу от Бахмута, Роман делился советами со своим другом и бывшим коллегой, который остался в России: сделай все, чтобы не попасть на эту войну.

«Вот я честно говорю: если будет возможность, делайте бронь. Или если придет повестка по мобилизации — лучше ну его на хуй, в пизду, идите в "вагнера", идите в контрактники, но только не в мобики. Потому что мобики — это самое днище».

Роман объяснял, что условия у контрактников гораздо лучше: им дают отпуск, они могут постирать вещи, помыться. Им не нужно постоянно искать еду и воду.

Под мобилизацию, по его словам, попали самые разные люди — и многие из тех, кто оказался в окопах, даже не представляли себе, как обращаться с оружием. Им не дают отпуск, а «ебучему командованию», которое Роман называет «рохлями и тютями», наплевать на солдат. Ему пришлось за свой счет покупать прибор ночного видения. Еды постоянно не хватает, пригодной для питья воды тоже: «Доходило до того, что дождь прошел — все лужи вычерпали, пили. Снег выпал — до земли долетать не успевал,

пацаны его ловили, ели». За два месяца на фронте Роман похудел на 30 килограммов. И его постоянно мучила диарея.

Когда рота Романа в ноябре 2022 года прибыла в Украину, в ней было сто человек. К началу января она уменьшилась на треть.

Роман рассказывал, как дважды ему повезло. Один раз он отравился и остался в расположении части, хотя должен был отправиться с отрядом на разведку. Отряд не вернулся. В другой раз он нес воду, споткнулся и упал — ровно в этот момент ударил снаряд, который убил нескольких человек, стоявших поблизости.

Украинцы взяли позиции, на которых был Роман, в полукольцо, и он рассказывал другу, что чувствует себя будто на краешке унитаза — живет в постоянном страхе, что им отрежут все каналы снабжения.

Однажды Роману пришлось руками запихивать обратно в живот кишки своему сослуживцу, впрочем, его это не спасло. В другой раз он пошел по нужде в поле, и по нему начал стрелять танк. Он так и сидел под снарядами. После двух месяцев такой жизни, когда шарахаешься от малейшего шума, даже самая крепкая психика начинает ломаться.

«Держимся на том, что мы боимся, — объяснял он сослуживцу. — Поэтому к нам даже наши не подходят. Особенно ночью. Ну, то есть окопались и всех предупредили: чуть что какой шорох — мы стреляем, поебать. А там уже ждешь, свой — не

свой. Но тут коллапсы иногда случаются: свои своих кроют».

Роман рассказывал, что его двоюродного брата убило снарядом — вместе еще с десятком сослуживцев. Семье удалось переправить тело (вернее, то, что от него осталось) обратно в Россию, но тела 11 других солдат остались в Украине.

При этом людей доводила до предела не только окружающая их смерть, но и чувство, что о них совершенно забыли.

Из перехваченного разговора Романа с другом

Роман: У нас такая группа подобралась — достаточно крепкая. И морально — первая волна, пацаны патриотично настроенные, которые знали, что едут воевать, все такое. По прошествии двух месяцев забрало начинает падать, серьезно. Ну, психика у многих поломана.

Друг: Понятно, конечно, убийство... сплошное.

Роман: Да, сплошное убийство, трупов дохера, на самом деле. Кого ножом зарезали, кого... ну ладно, не суть. Смысл в том, что есть люди, которые профессионалы. Так вот, эти профессионалы к нам на точку приезжают и говорят: «Бля, тут, ребята, у вас пиздец творится». Разворачиваются и уезжают. Ну то есть, их меняют, у них ротация проходит, у них отпуска есть. Их там стирают, гладят, они моются в бане. У них с водой проблем нет, у них с едой проблем нет. У нас такого нет.

В первые недели на фронте его охватывала жуткая паника, но потом это чувство стало сходить на нет. И звонки домой помогали.

Как-то ночью Романа отправили с группой на специальное задание. Они пробрались в украинский окоп, зарезали несколько солдат и захватили в плен офицера. Смерть была везде, по обе стороны фронта.

«Птичку застрелить жальче, чем человека, — рассказывал Роман другу. — Психика уже нарушена».

Оба отказались комментировать свой разговор *AP*.

Андрей. «Ты сдохнешь в яме, в которой живешь»

Проведя в Украине четыре месяца, Андрей понял, что его жизнь для российских властей ничего не значит.

Его призвали на службу из маленького города на Дальнем Востоке, но очень быстро он оказался в Донецкой области, на южных подступах к Бахмуту.

Иллюстрация: Peter Hamlin / AP

Подразделение, в котором служил Андрей, несло тяжелейшие потери, но в ответ россияне даже не стреляли по украинским позициям, рассказывал он в разговоре с матерью. Люди гибли от огня по своим.

При этом мобилизованных, таких как Андрей, по сути, вынуждали подписывать контракты.

«Мобилизованных за людей не считают, — говорил он матери. — Контрактников считают. Нас — нет. Они думают, мы за 200 тысяч тут помирать должны».

Дело пахло мятежом.

Из перехваченного разговора Андрея с матерью

Андрей: Наши пацаны гибнут ни за что. Ну это бред вообще, я говорю тебе. Это вообще не война ни фига. Потом приеду — порассказываю, что тут творится. Тут пацаны гибнут, трехсотят — а по [украинским войскам] даже в ответ никто не стреляет. Это бред какой-то. У нас артиллерия работает по нашим блиндажам, а не по ихним — это как?

Мама: А зачем?

Андрей: Ну, промазывают, типа.

Мама (молчит)

Андрей: Тут, короче, если не они кокнут, то свои кокнут. Крыша ехать начинает, бесит все. И сделать ничего с этим не можешь, потому что по барабану всем. Полгода — и в жопу. Не поменяют, не выведут — вся рота снимется и уйдет отсюда сама. Толпу в сто человек не осудят.

Мама: Они не имеют права вас дольше держать.

Андрей: Да тут пофигу всем! Как нам сказали вот на днях: про вас тут чуть-чуть забыли. Но они не забыли про нас, на нас просто положили [хуй].

Он рассказывал, что к мобилизованным солдатам относятся хуже всего. Их не отпускают с фронта,

даже если они ранены, потому что командование опасается, что обратно никто не вернется.

Из перехваченного разговора Андрея с матерью

Андрей: У нас пачками [убивают]. Контрактника ранило — отправили домой. Мобилизованного ранило — подлечили, подлатали, вали обратно, фигли ты косишь. Если ты заболеешь, тебя не отправят домой, ты сдохнешь в яме, в которой живешь. Тут вообще болеть нельзя, по идее.
Мама: Лучше не болеть.
Андрей: Пока ты приносишь пользу, они знают тебя. А когда ты бесполезен, то ты на фиг никому не нужен, тебя забудут.

По его словам, жив он до сих пор исключительно по счастливому стечению обстоятельств и очень жалеет, что попал на войну: «Это единственная моя ошибка в жизни. Я дважды на одни и те же грабли не наступлю, если, дай бог, вернусь живым и здоровым».

«Бог дает один раз шанс, — говорит в ответ мать. — Дай бог, чтобы ты домой приехал».

В сентябре она рассказала *AP*, что сын вернулся домой, проводит время с семьей и занимается кедровым промыслом — собирает в тайге шишку.

Женщина также рассказала, что сама родилась в Украине, там до сих пор живет ее мать. И ей очень больно от того, что страну наводнили «предатели и фашисты».

«Я ненавижу ваших правителей, — сказала она. — Неужели вы не видите, что ваша страна тонет в грязи, в гадости?! Вы там слепые или тупые? Или не видите, кто нормальный, а кто нет? Или вы хотите, чтобы ваши дети трансгендерами стали, как в Америке? Полностью превратились в обезьян? Это че такое? Я свою родину, где я родилась и ходила в школу, не узнаю! Ужас!».

Авторы: Эрика Кинетц, при участии Аллы Константиновой и Линн Берри

Оригинал: *Intercepted calls from the front lines in Ukraine show a growing number of Russian soldiers want out*. *The Associated Press, November 26, 2023*

Перевод: Дмитрий Голубовский, Алла Константинова

---

1. Самовольное оставление части.